

DOI 10.15826/izv2.2024.26.4.065

УДК 336.748.5“1947” + 94(470)“1947” + 340.133 +
+ 32.019.5

М. А. Клинова

Институт истории и археологии
УрО РАН
Екатеринбург, Россия

**«АНЕКДОТЫ МЕШАЮТСЯ С ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ»:
СЛУХИ И НАБЛЮДЕНИЯ ГОРОЖАН
НАКАНУНЕ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ 1947 г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ)**

В статье предпринят анализ дневниковых записей жителей городов РСФСР с целью выявления суждений, слухов и экономических ожиданий населения, связанных с денежной реформой 1947 г. Источниковую основу исследования составили материалы дневников 22 горожан. Указание в дневниковых записях горожан на время, общее содержание и причины проведения реформы (аналогичные заявленным в тексте Постановления о реформе) позволяет говорить о факте утечки информации. В то же время наиболее важные условия реформы (курс обмена, разница обменного курса наличных средств и вкладов и пр.) не стали достоянием широкой общественности. Сложившаяся ситуация не только являлась благодатной почвой для разнообразных слухов, но и актуализировала самые разные сберегательные стратегии, реализуемые населением в пореформенный период — покупки товаров, снятие вкладов, открытие вкладов и пр. Неясность экономической ситуации накануне реформы позволила вскрыть проблему материального неравенства, существующую в послевоенном советском социуме. В отношении последствий реформы граждане высказывали скорее оптимистические ожидания, связывая с ней повышение уровня жизни. Специфика пореформенных рассуждений горожан позволяет говорить о распространенности в советском послевоенном социуме адаптивной модели суждений, помогающей трактовать проживаемую реальность, «смягчая» остроту объясняемой проблемы. Распространенность данной модели суждений, детерминированная послевоенными надеждами на лучшее будущее, позволяет говорить о лояльном отношении населения к существующему в послевоенном СССР режиму.

К л ю ч е в ы е с л о в а: денежная реформа; отмена карточек; городское население; суждения; слухи; 1947; эго-документы; дневники; сберегательные стратегии

Ц и т и р о в а н и е: Клинова М. А. «Анекдоты мешаются с действительностью»: слухи и наблюдения горожан накануне денежной реформы 1947 г. (по материалам эго-документов) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 4. С. 148–164. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.4.065>

Поступила в редакцию: 25.04.2023

Принята к печати: 11.11.2024

Marina A. Klinova

*Institute of History and Archaeology UB RAS
Ekaterinburg, Russia*

**“JOKES GET MIXED UP WITH REALITY”:
RUMOURS AND OBSERVATIONS OF CITIZENS
ON THE EVE OF THE MONETARY REFORM OF 1947
(BASED ON EGO-DOCUMENTS)**

This article analyses the diary entries of residents of the cities of the RSFSR in order to identify judgments, rumours and economic expectations of the population associated with the monetary reform of 1947. The source basis of the study is the materials of the diaries of 22 citizens. The indication in the diary entries of citizens for the time and the general content and reasons for the reform (similar to those stated in the text of the Resolution on Reform) makes it possible to talk about the fact of information leakage. At the same time, the most important conditions of the reform (the exchange rate, the difference in the exchange rate of cash and deposits, etc.) did not become public knowledge. The situation was fertile ground not only for various rumours, but also actualised a variety of saving strategies implemented by the population in the post-reform period — purchases of goods, withdrawal of deposits, opening of deposits, etc. The uncertainty of the economic situation on the eve of the reform made it possible to reveal the problem of material inequality existing in postwar Soviet society. Regarding the consequences of the reform, citizens expressed rather optimistic expectations, associating it with an increase in living standards. The specifics of the post-reform reasoning of citizens allow us to speak about the prevalence in the Soviet postwar society of an adaptive model of judgments that helps interpret the lived reality, “mitigating” the severity of the problem being explained. The prevalence of this model of judgments determined by postwar hopes for a better future makes it possible to speak about the loyal attitude of the population to the regime existing in the postwar USSR.

Key words: monetary reform; cancellation of rationing; urban population; judgments; rumours; 1947; ego-documents; diaries; saving strategies

For citation: Klinova, M. A. (2024). “Anekdoty meshaiutsia s deistvitel’nost’iu”: slukhi i nabliudeniia gorozhan nakanune denezhnoi reformy 1947 g. (po materialam ego-dokumentov) [“Jokes Get Mixed up with Reality”: Rumours and Observations of Citizens on the Eve of the Monetary Reform of 1947 (Based on Ego-Documents)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(4), 148–164. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.4.065>

Submitted: 25.04.2023

Accepted: 11.11.2024

Введение

Проблема реформирования денежной системы, произошедшего в СССР в 1947 г., не является новым сюжетом для отечественного научного дискурса. Советские исследователи обращались к рассмотрению данной темы, отмечая,

что реформа, нанеся удар по спекулянтам, создала благоприятные условия для развития торговли [Москвин; Мстиславский; Орлов]. На современном историографическом этапе в научной литературе фиксируется широкий диапазон подходов и исследовательских ракурсов изучения темы. Сегодня авторы более детально анализируют процессы подготовки и механизмы проведения денежной реформы [Коробков; Чуднов, 1999; 2018], изучают пореформенные монетарные стратегии граждан [Зубкова], исследуют вопросы отношения населения к реформе (на материалах различных регионов РСФСР), социальные последствия реформы 1947 г. [Сластнев; Чайка; Завадская, Царевская], разрабатывается тематика экономических девиаций, актуализированных в период реформы [Репенецкий; Твердюкова]. Проблематика денежной реформы поднимается и в зарубежной историографии [Ironsides]. Высказываются различные оценочные суждения: от констатации шоковых социальных последствий денежной реформы 1947 г. до обоснования ее «оздоровительного» эффекта для экономики страны и укрепления международного положения СССР.

Несмотря на активную разработку, можно отметить определенные лакуны в исследовании темы. Проблематика различных слухов, предположений и суждений горожан, высказываемых накануне проводимой в 1947 г. денежной реформы и отмены карточной системы, является темой, недостаточно изученной в отечественной историографии. Обращение к означенной теме, реализуемое на материалах эго-документов, позволит воссоздать картину экономических ожиданий населения, детерминированных политическими и социально-экономическими реалиями послевоенного периода.

Цель, методика и источники исследования

В определении «слуха» мы будем опираться на формулировку Г. Оллпорта и Л. Постмана, описывающих его как «актуальное суждение на веру, передаваемое от человека к человеку, обычно устно, без надежных стандартов представленных подтверждений» [Allport, Postman, p. 9]. В работе не ставится задача выявления тенденции изменения передаваемых сообщений, сообразно сформулированным в литературе принципам (сглаживания, заострения, ассимиляции) [Allport, Postman]. Фокус исследования и его методика определяется спецификой источника (дневниковых записей), отличающихся субъективностью суждений, выборочной фиксацией событий и, как правило, не системностью записей. Нас, в первую очередь, будет интересовать фиксация факта распространения информации о предстоящей реформе (хронологическая, территориальная), ее содержание и оценка данной информации автором дневника.

Таким образом, целью исследования является выявление слухов, суждений, наблюдений граждан, касающихся целей, сроков и механизмов проведения денежной реформы 1947 г., распространенных в городах РСФСР в пореформенный период и зафиксированных в дневниковых записях горожан.

Для работы с дневниками горожан использовались стандартные методы источниковедческого анализа (сопоставление, сравнение, оценка достоверности и пр.). В ряду специфических методов можно назвать текстологический анализ, в основу которого были положены принципы: контекстно-исторического анализа; речевой опосредованности текста источника личного происхождения [Иванов, с. 86]. При анализе текстов дневников учитывалась не только их содержательная составляющая, но и эмоционально-смысловая доминанта.

Источниковую основу составили дневниковые записи 22 граждан, сделанные в период осени — зимы 1947 г. до объявления о проведении реформы (14 декабря 1947 г.), в которых упоминается о денежной реформе или отмене карточной системы, а также слухах и различных социально-экономических явлениях, связанных с этими событиями. (В некоторых случаях использовались дневниковые записи, датируемые более поздними числами (после объявления о реформе), если в них отражены пореформенные суждения и ожидания населения). Часть использованных в работе дневников представлена печатными изданиями. При невозможности обращения к печатным изданиям или отсутствии таковых использовались материалы дневников, представленные на сайтах: <https://prozhito.org> (Центр изучения эго-документов «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге), <http://militera.org> (Военная литература), www.flot.com (Военно-морской портал).

География исследования охватывает жителей таких городов и областей РСФСР, как: Москва, Молотов, Ленинград, Челябинск, Киров, Пенза, Магаданская обл., Алтайский край.

Обсуждение

Анализируемые дневниковые записи были сделаны горожанами в период осени — начала зимы 1947 г. Авторы дневников являлись как жителями больших городов — Москвы, Ленинграда; областных центров — Молотова, Челябинска, Кирова; так и небольших городков — г. Чесноковка, Алтайский край. Авторами 7 дневников являлись женщины, 15 дневников велись мужчинами. Профессиональный состав авторов достаточно разнообразен: писатель, ученый, актриса, художник, рабочий, школьные учителя, преподаватели вузов, переводчик, художник, геолог, учащиеся и студенты. Возрастной диапазон авторов дневников достаточно широк (см. таблицу).

Возрастное распределение граждан, упоминавших о предстоящей реформе 1947 г. в своих дневниковых записях (октябрь — середина декабря 1947 г.)

Возрастные группы	до 20 лет	от 21 до 30 лет	от 31 до 40 лет	от 41 до 50 лет	от 51 до 60 лет	от 61 до 70 лет	от 71 до 80 лет
Количество граждан	1	4	5	7	1	2	2

В контексте проблематики дневниковых записей, касающихся предстоящей денежной реформы и отмены карточной системы, преобладание авторов от 30 до 50 лет обусловлено большей экономической вовлеченностью данных возрастных групп. Это экономически самостоятельные трудоспособные и, как правило, работающие люди, кому не чужды проблемы обеспечения семьи.

В дневниковых записях граждан поднимались различные вопросы, касающиеся предстоящей денежной реформы и отмены карточек. Горожане фиксировали разные слухи, рассуждали о возможных последствиях данных мер, записывали фактические наблюдения, касающиеся монетарных стратегий населения.

Различные слухи о денежной реформе и отмене карточек фиксировались в советском социуме задолго до декабрьской реформы. При анализе темы необходимо развести отмену карточек и денежную реформу, так как слухи об их проведении были не синхронны. В принятом в 1946 г. «Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы» предусматривался переход от нормированного снабжения населения по карточкам к развернутой советской торговле в течение 1946–1947 гг. Осенью 1946 г. планировалось отменить карточки на хлеб, муку, крупу и макаронные изделия [Закон о пятилетнем плане..., с. 56]. Как следствие, слухи и ожидания данных мер фиксировались в дневниках граждан уже в 1946 г. Так, например, писатель М. М. Пришвин (г. Москва) в дневниковой записи от 17 июня 1946 г. отмечает: «Предстоящая отмена хлебных карточек вызывает мысль о голоде» [Пришвин, с. 180]. В дневниковых записях граждан, сделанных в октябре — начале ноября 1947 г., также фиксируются ожидания отмены карточек, не связанные с денежной реформой. Рабочий А. И. Дмитриев (г. Молотов) отмечал в дневнике: «Пожалуй, отмены карточной системы ждать придется долго, тем более что сейчас очень напряженное международное положение» [Дмитриев, запись от 28.10.1947]; «Об отмене карточной системы ничего еще не слышно» [Дмитриев, запись от 03.11.1947]; учитель В. С. Савельев (Ленинградская обл.) писал: «Надеялись, что к 30-й годовщине Октября будет изобилие всего и отмена карточек, но ни того ни другого» [Савельев, запись от 11 ноября 1947]

Слухи непосредственно о денежной реформе появляются позже. И. А. Чуднов в работе «Денежная реформа 1947 г. глазами современников» приходит к выводу: «Неясные слухи ходили по стране уже летом» [Чуднов, 1999, с. 99]. Предпринятый анализ дневников граждан, размещенных на сайте prozhito.org, позволил зафиксировать первую запись означенной тематики, относящуюся к концу октября 1947 г. Экономист Н. С. Покровская (г. Москва) в своем дневнике отмечала: «Ничего ещё формально не известно, но всё население Москвы находится в возбуждении, ожидая со дня на день денежной реформы и отмены карточной системы» [Покровская, запись от 30.10.1947]. Художник, переводчик Л. В. Шапорина (г. Ленинград) 5 декабря 1947 г. отметила в дневнике: «Уже с месяц тому назад Ольга Андр. рассказала мне о том, что собираются произвести девальвацию денег (курсив мой. — М. К.)» [Шапорина, с. 69]. По всей видимости, именно октябрем 1947 г. (началом ноября) можно датировать начало

распространения слухов о денежной реформе в крупных городах (Москве и Ленинграде).

В городах других регионов РСФСР появление слухов о денежной реформе фиксируется в конце ноября 1947 г.: «Распространился слух, что скоро должна произойти девальвация» [Талантов, запись от 30.11.1947] (преподаватель, г. Киров); «Вчера услышал новость... отменяются карточки на хлеб и крупу. ...Потом еще говорят, что новые деньги выпускают» [Дмитриев, запись от 30.11.1947] (рабочий, г. Молотов); «Уже больше недели у нас в Челябинске творится что-то непонятное. Скоро должны старые деньги обменивать на новые» [Путь советского офицера, с. 107] (референт, г. Челябинск). В начале декабря 1947 г. слухи о реформе становятся массовыми.

Небезынтересной в этой связи является дата реформы, указываемая в дневниках граждан, а также источник получения данной информации. В дневнике геолога Б. И. Вронского (Нексикан, Магаданская обл.) в записи от 1 декабря 1947 г. отмечено: «В ближайшие дни приходится ожидать опубликования указа о денежной реформе» [Вронский, запись от 01.12.1947]. 12 декабря 1947 г. он же в своем дневнике излагает следующие суждения: «Учитывая ряд распоряжений о срочной выплате всей задолженности рабочим и служащим и выдаче декабрьской зарплаты к 16 декабря, я прихожу к твердому заключению о том, что к 20–25 декабря надо ожидать денежной реформы и отмены карточной системы. Посмотрим, насколько правильными окажутся эти прогнозы» [Вронский, запись от 12.12.1947]. Если Вронский (и. о. начальника РайГРУ г. Нексикан) в своих прогнозах опирался на увиденные им распоряжения (документы), то московский студент О. В. Черневский обратил внимание на отоваривание карточек: «Из признаков можно отметить только то, что продукты по карточкам дают только на ½ месяца, т. е. до 15-го» [Черневский, запись от 08.12.1947]. А. И. Дмитриев (рабочий, г. Молотов) вывод о приближении реформы делал на основе газет: «Даже в газетах кое-что замечается, что скоро будет что-то особенное в жизни» [Дмитриев, запись от 11.12.1947].

Но главным источником информации о времени проведения реформы для большинства населения являлись слухи, хотя они были не столь далеки от реальности. Помимо записей, в которых реформа ожидалась «скоро», «на днях», «со дня на день» «в ближайшее время» [Вронский, запись от 01.12.1947; Покровская, запись от 30.10.1947; Талантов, запись от 30.11.1947; Путь советского офицера, с. 107], горожане в своих дневниках уже в конце ноября — начале декабря 1947 г. указывали конкретную дату проведения реформы — 15 декабря 1947 г. Но в одних дневниковых записях граждан с данной датой связывалась денежная реформа: «15-го будет проведена денежная реформа» [Булах-Гардина, запись от 07.12.1947], в других означенным числом датировалась ожидаемая отмена карточной системы: «С 15-го декабря отменяются карточки» [Дмитриев, запись от 30.11.1947]; «Все ожидают, 15.12 предполагается отмена хлебных карточек» [Мечтова, запись от 07.12.1947]; «С 15.12.47 должны отменить карточную систему» [Путь советского офицера, с. 107] и др. В записях некоторых граждан

означенные реформы были объединены: «Говорят это будет с 15го и одновременно с отменой карточек и снижением цен на промтовары» [Черневский, запись от 08.12.1947].

В дневниках граждан фиксируются записи относительно причин проведения денежной реформы. Так, например, писатель М. М. Пришвин объясняет проведение реформы необходимостью «изъять фальшивые деньги и накопления путем спекуляции» [Пришвин, с. 739]. Переводчица Л. В. Шапорина пишет на данную тему более развернуто, воспроизводя пореформенные слухи: «Делается это будто бы для того, чтобы выловить людей, которые нажились за это время. И еще будто бы Гитлер выпустил в свое время пять миллиардов фальшивых советских денег, правительство убедилось, что в стране циркулирует больше денег, чем было выпущено, и надо их изъять. ...И еще: будто бы много денег в деревне и их надо изъять» [Шапорина, с. 70]. Означенные причины реформы фигурируют и в тексте Постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек»: «немецкие и другие оккупанты выпускали в большом количестве фальшивые деньги... спекулятивные элементы воспользовались наличием большого разрыва между государственными и рыночными ценами, равно как и наличием массы фальшивых денег, для накопления денег в больших размерах в целях наживы за счет населения» [Постановление Совета министров...]. Совпадение слухов с текстом реального документа позволяет предположить наличие утечки информации о содержании постановления, произошедшей в начале декабря 1947 г. Вероятность утечки видится еще более очевидной с учетом того, что сам факт «выпущенных оккупантами фальшивых денег» опровергается современными исследователями [Соколов, с. 29; Коробков, с. 41; Чуднов, 2018, с. 118–135], трактуется как повод, правительственная мотивировка проведения денежной реформы. Он встречается исключительно в тексте постановления, не подтверждаясь ни судебными материалами, ни документами правоохранительных органов [Чуднов, 2018, с. 121]. Соответственно, вероятность получения гражданами информации об изготовленных оккупантами фальшивках из других источников (личный опыт, пресса, правоохранительные органы и пр.) можно оценивать как нулевую. Относительно причинности реформы (обозначенной гражданами, декларируемой властями) можно заключить, что идея борьбы с «врагом» (внешним или внутренним) была достаточно глубоко инспирирована в сознание населения посредством идеологических императивов, СМИ, практик проведения политических кампаний и пр. Именно «борьба» с маргинализируемыми объектами и явлениями социальной реальности, воспринимаемыми гражданами как объективное зло (спекулянты, фальшивые деньги и пр.) и должна была составлять основу «правильной» государственной политики.

Разнились суждения граждан по поводу содержания предстоящей реформы. В большинстве дневниковых записей конца ноября — начала декабря 1947 г. реформа определялась как девальвация: «Предполагается что-то вроде девальвации» [Вавилов, запись от 30.11.1947] (физик, г. Москва); «Распространился

слух, что скоро должна произойти девальвация» [Талантов, запись от 30.11.1947] (преподаватель, г. Киров); «Опять катастрофа... девальвация» [Гильдебрандт-Арбенина, запись от 02.12.1947] (художник, г. Москва). В некоторых записях начала декабря 1947 г. наряду с девальвацией фигурировало понятие «деноминация» или обмен денег: «Москва переполнена слухами о предстоящей девальвации или деноминации» [Черневский, запись от 30.11.1947] (студент, г. Москва); «Уличная финансовая паника перед предстоящей девальвацией или сменой денег» [Вавилов, запись от 05.12.1947] (физик, г. Москва); «Вечером приходил Ваня, беседовали о предстоящем обмене денег» [Талантов, запись от 05.12.1947] (преподаватель, г. Киров); «Предстоит выпуск новых денег» [Порцевский, запись от 30.11.1947] (студент, г. Москва); «Толки об отмене карточек и новых деньгах» [Слонимский, запись от 09.12.1947] (литературовед, г. Ленинград); «Скоро должны старые деньги обменивать на новые» [Путь советского офицера, с. 107] (референт, г. Челябинск). По всей видимости, на протяжении периода с конца ноября по 4–5 декабря 1947 г. слухи о содержании реформы последовательно сменялись: от девальвации к деноминации. Последовательность появления данных слухов изложена в дневнике Л. В. Шапориной: «...собираются произвести девальвацию денег и в связи с этим произведут снижение цен. Затем пошли слухи о деноминации денег, обмене наших денег на новые» [Шапорина, с. 69] (художник, переводчик, г. Ленинград). Об означенной «эволюции» слухов о реформе пишет в своем дневнике и М. М. Пришвин: «Выясняется, что нынешняя кутерьма предшествует не девальвации, а перемене денежных знаков» [Пришвин, с. 739] (писатель, г. Москва).

Встречаются дневниковые записи граждан, отражающие пугающие пореформенные слухи о судьбе сбережений населения и допустимых объемах сумм, подлежащих обмену. Так, например, актриса Т. Д. Булах-Гардина в своем дневнике 7 декабря 1947 г. отмечала: «...будет проведена денежная реформа с ликвидацией всех сбережений граждан, где бы они ни находились. Остаются лимиты, карточки и т. д.» [Булах-Гардина, запись от 07.12.1947] (г. Москва). Преподаватель А. Н. Болдырев (г. Ленинград) писал в своем дневнике о суммах, подлежащих обмену: «Все многообразие диких слухов сменилось одним определенным: обмен старых денег будет производиться по месту работы — два или три оклада» [Болдырев, с. 351]. Указание на тот факт, что объемы обмениваемой наличности будут лимитированы несколькими окладами, встречаются и в дневнике Л. В. Шапориной: «Разрешают иметь только тройной оклад, не больше» [Шапорина, с. 69]. Писатель М. М. Пришвин отмечал: «Вероятно, обмен будет затруднен и ограничен. ...Все будто бы отменяется — и карточки, и книжки» [Пришвин, с. 739].

И. А. Чуднов, описывая пореформенную ситуацию, отмечает: «“Брожение умов” закончилось около 1 декабря. В регионы поступили секретные документы, и точные условия обмена стали наконец-то широко известны. Сначала в узком кругу номенклатуры и “нужных” людей, а затем и всем заинтересованным» [Чуднов, 1999, с. 99]. Приведенные материалы из дневниковых записей граждан

отчасти подтверждают выводы, сделанные И. А. Чудновым. К началу декабря 1947 г. население было осведомлено о декларируемых причинах, времени проведения и общем содержании реформы. В то же время точные условия обмена — курс обмена наличных средств, сбережений, займов и пр. не были известны широким массам населения. В дневниках граждан не найдено записей по данной тематике, совпадающих с фактическим содержанием реформы. По всей видимости, факт утечки информации, отмеченный И. А. Чудновым, имел место, но наиболее важные условия реформы не стали достоянием широкой общественности. Судьба личных сбережений, не была ясна большинству граждан: «Что-то будет, но что — неизвестно» [Дмитриев, запись от 05.12.1947]; «Никто ничего не знает, и все нервничают» [Булах-Гардина, запись от 04.12.1947]; «Общая экономика не ясна» [Храбровицкий, с. 101]. Отсутствие информации порождало неуверенность и панику, о которой пишет в своих дневниках большинство граждан: «в городе у нас паника» [Булах-Гардина, запись от 04.12.1947], «уличная финансовая паника» [Вавилов, запись от 05.12.1947], «всех охватила паника» [Талантов, запись от 03.12.1947], «народ бесится» [Дмитриев, запись от 05.12.1947], «возникла паника, и еще какая» [Шапорина, с. 69], «люди друг на друга наводят панику» [Ривкина, запись от 06.12.1947], «ажиотаж и паника» [Покровская, запись от 04.12.1947]. Сложившаяся ситуация не только являлась благодатной почвой для разнообразных слухов, но и актуализировала самые разные экономические стратегии, реализуемые населением в пореформенный период.

Во всех дневниковых записях находят отражение сюжеты, повествующие о различных монетарных практиках граждан, реализованных в конце ноября — первой половине декабря 1947 г.

Наиболее количественно выраженными являлись сюжеты, повествующие о стремлении граждан потратить деньги. Как отмечали современники: «Люди стараются с деньгами расстаться» [Дружба длиною..., запись от 29.11.1947]; «Все стремятся истратить деньги» [Вавилов, запись от 30.11.1947]. Предшествующий денежной реформе покупательский ажиотаж отражен в многочисленных дневниковых записях горожан из различных регионов. Судя по записям граждан, покупательский бум начался в Москве 27–28 октября. Н. С. Покровская (экономист, г. Москва) так описывает происходящее: «Как только стали распространяться слухи о денежной реформе, люди испугались аннуляции денежных знаков и бросились покупать, что попало, независимо от стоимости и нужности вещей» [Покровская, запись от 30.10.1947]. В дневниковых записях, датированных ноябрем — декабрем 1947 г., покупательский бум описывается жителями большинства городов страны: «Все бросились покупать, стоит сплошная рвачка» (г. Киров) [Талантов, запись от 03.12.1947]; «Народ... хватает все, что только попадет» (г. Молотов) [Дмитриев, запись от 05.12.1947]; «Начали покупать в магазинах все, что имеет ценность» (г. Челябинск) [Путь советского офицера, с. 107]; «Владельцы “тысячей” стараются израсходовать свои тысячи, покупают ценные вещи» (г. Чесноковка, Алтайский край) [Мечтова, запись от 07.12.1947];

«...Толпа с такой же стихийной яростью очищала государственные и комиссионные магазины. ...Шло великое превращение денег в вещи. В течение трех или четырех дней безумствовало население, перемещались огромные миллиардные суммы» (г. Ленинград) [Болдырев, с. 351].

Примеры масштабных покупок, порой абсурдных и курьезных, свидетельствами которых являлись авторы дневников, их знакомые, приводятся на страницах дневников. «Комиссионные, антикварные и коммерческие магазины стали опустошаться с такой быстротой, что за три дня из всех магазинов были вынесены все ковры, дорогая посуда, платья, обувь, золото, часы, старинные книги и старинная мебель. А ведь большая часть этих вещей лежала годами, и никто их не покупал», «Мария Александровна Крамер рассказывала, что вчера днём она видела, как один человек тащил из зоомагазина двух живых лисиц на цепочках. А Наташа встретила лейтенанта, нагруженного шестью мясорубками» [Покровская, запись от 30.10.1947; 04.12.1947]; «Исчезли месяцами лежащие дорогие сорта колбас» [Черневский, запись от 02.12.1947]; «Покупают все, вплоть до гробов. Экономическая зоология» [Вавилов, запись от 05.12.1947]; «Скупили рояли вплоть до бракованных» [Шапорина, с. 69]; «Берут сервизы, пианино (не по одному, а по два!), аккордеоны и пр.» [Путь советского офицера, с. 107]. Характерно, что в большинстве дневников покупательский бум описывается как явление внешнее по отношению к описывающим его субъектам. С полок магазинов «кто-то» сметал товары, тратя огромные суммы. Фактически единственным эпизодом «масштабной» покупки для вложения средств, отраженным в анализируемых записях горожан, являлось приобретение Б. В. Талантовым 42 кг ржаной муки и 16 кг пшеничной (на что было израсходовано 1446 руб.) [Талантов, запись от 01.12.1947]. Художница О. Н. Гильдебрандт-Арбенина в одной из декабрьских записей отмечала: «Бегала весь день, отоваривалась» [Гильдебрандт-Арбенина, запись от 04.12.1947]. Она не упоминает наименование товаров, но судя по сумме указанных средств — 400 руб., покупки были ограничены продовольственными товарами.

В большинстве записей авторы фиксировали изумление происходящим покупательским бумом, удивляясь состоятельности соотечественников. Как отметила в дневнике Н. С. Покровская: «Интересным мне показалось то, чего я никак не ожидала — наличие крупных сумм денег в руках москвичей и живущих вблизи Москвы. Никогда не имея в запасе ни одной копейки денег, я полагала, что и люди живут так же. ...И вдруг совсем не так...» [Покровская, запись от 30.10.1947]. Житель Ленинграда А. И. Батюто (литературовед) писал: «Вдруг выяснилось, что не все люди жили бедно в эти годы, многие, уповая на будущее, купили терпение и деньги» [Батюто, запись от 02.12.1947].

К гражданам — владельцам крупных сумм авторы дневников демонстрировали скорее негативное отношение, определяя их через идеологизированные понятия «хапуги», «воры», «спекулянты» и пр.: «...спекулянтов и всяких хапуг воспринимала как явление исключительное, очень постыдное и болезненное.

...Конечно, это не честное, трудовое население Москвы. Это те, которые “умели жить”, которых обогатила война, тёпленькие, хлебные места или прямое воровство и спекуляция, те, которые нажились за счёт наших голодных детей» [Покровская, запись от 30.10.1947]. Жительница Ленинграда В. Г. Малахьева-Мирович отмечала: «Огромную панику вызвал в спекулянтах и в колхозниках предстоящий обмен денежных знаков. Остальное население, по-видимому, спокойно» [Малахьева-Мирович, с. 538]. Под «остальным населением», судя по всему, подразумевались менее состоятельные, скорее бедные массы горожан. Именно к этой группе относили себя многие авторы дневников, дистанцируясь от покупательского бума и не впадая в оцепенение от негативных ожиданий: «Нам, нищим, хорошо. Беспокоиться нечего» [Шапорина, с. 70]; «Нам, конечно, ничего этого не угрожает, т. к. у нас денег нет» [Ривкина, запись от 06.12.1947]. Пожалуй, наиболее точно специфику взаимоотношений в советском пореформенном социуме отразил в своем наблюдении А.И. Батюто: «Люди переполошились и как будто разделились на два лагеря: имущих и неимущих. Неимущие злорадствуют и завидуют. Ага! Теперь-то вы порастрясете свои мошны, набитые за войну, придется расстаться с тысячами. Но и завидуют, глядя на эти тысячи. Неимущих можно встретить в любом месте, имущие же — это какие-то мифические создания, их нигде не видно, но все говорят о них» [Батюто, запись от 02.12.1947]. В целом, переполох накануне реформы позволил визуализировать проблему материального неравенства, существующую в послевоенном советском социуме [Novokmet, Piketty, Zucman, p. 37; Клинова, 2022, с. 77–80]. Декларируемый тезис о социалистическом равенстве и вынужденных экономических послевоенных трудностях диссонировал с фактической материальной поляризацией советского социума и внезапно выявившимися многотысячными сбережениями соотечественников. Все это порождало негативное отношение широких масс к состоятельным согражданам, позволяя предположить криминальную природу накопленных ими состояний.

Сами практики покупок и продаж гражданами товаров гиперболизировались и приукрашивались, становясь темой фантастических рассказов. Как отмечала в своем дневнике Н. С. Покровская: «Анекдоты мешаются с действительностью. Говорят о миллионах награбленных и теперь пропадающих денег, об удивительных продажах и покупках» [Покровская, запись от 04.12.1947]. Л. В. Шапорина приводит в своем дневнике некоторые из этих слухов о подпольных миллионерах: «И тут же создаются легенды: “У молочницы нашли матрац, набитый деньгами. У военного денег полная оттоманка...”» [Шапорина, с. 69]. Негативное отношение к подпольным богачам, общее смятение, страх перед будущим, а также регулярное проведение государством кампаний «по борьбе» с различными девиантными практиками порождали слухи об активизации деятельности НКВД в пореформенном СССР: «Во всех... магазинах тайные агенты НКВД; они фотографируют тех, кто много покупает, за ними следят и арестовывают. Разрешают иметь только тройной оклад, не больше; много арестованных» [Там же, с. 70].

В дневниковых записях граждан были зафиксированы и иные практики, направленные на сбережение денежных средств. Отмеченный исследователями процесс снятия денег со сберкнижек [Чуднов, 1999, с. 99–100] нашел отражение в дневниках горожан: «В сберкассах очереди, все берут вклады» [Черневский, запись от 30.11.1947]; «Все вынимают вклады из сберкасс (Романчиков рассказывал, как зашел в сберкасса и рядом с ним ветхая старушка брала... 45 тысяч!!)» [Бронтман, запись от 07.12.1947]. Достаточно выразительно описывает процесс массового снятия вкладов житель Ленинграда, преподаватель Ленинградского университета А. Н. Болдырев: «Ровно месяц тому назад, 28-го ноября, пошел утром в сберкасса, чтобы снять с книжки 300 руб. (нам с Торой не хватило зарплаты). В сберкассе народу никого не было, только передо мной грубо плохо одетый человек с красным обветренным лицом вынимал со своей книжки 5000 руб. Я еще обратил внимание на его мрачное, почти злобное выражение. А через несколько часов в этой же сберкассе — и во всех сберкассах и банках города — свирепо мялась, прела, гудела и “пассивно дралась” огромная обезумевшая толпа “вынимающих” вкладчиков. Наличность касс мгновенно была исчерпана, и принимали только заявки на следующий день» [Болдырев, с. 351]. В первую неделю декабря тенденция снятия вкладов сменилась обратной тенденцией — люди начали вносить денежные средства в сберкассы, открывать вклады: «Москвичи кидаются из одной крайности в другую: то... вынимают вклады... то обратно вносят» [Бронтман, запись от 07.12.1947]; «И вот началось даже обратное вкладывание в сберкассы» [Болдырев, с. 352]. Означенное изменение траектории сберегательных стратегий является еще одним подтверждением тезиса о произошедшей в начале декабря 1947 г. утечке информации относительно содержания предстоящей денежной реформы.

Небезынтересным сюжетом, изучение которого возможно на материалах дневников граждан, является проблематика экономических ожиданий населения. Как правило, в текстах дневников означенные ожидания формулировались в системе координат «лучше — хуже», представляя собой оценку относительно текущей, проживаемой гражданами действительности. В материалах анализируемых дневников можно отметить несколько записей, где высказываются ожидания, связанные, в том числе, и с последствиями реформы. Геолог Б. И. Вронский, размышляя о реформе, замечал: «Какие формы она примет, пока неясно, но что государство получит от нее значительную прибыль, не подлежит никакому сомнению. Если с этой реформой совпадет постановление о хотя бы частичной отмене карточной системы, то это будет вполне терпимо» [Вронский, запись от 01.12.1947]. Более оптимистичное мнение о результатах происходящих перемен высказывал писатель М. М. Пришвин: «Со всех сторон сходятся литераторы: кто пронюхал что-то там, другой тут, третий, прочитав какую-то статью, сделал вывод: все сходятся в том, что становится легче и впереди будет лучше» [Пришвин, с. 744]. Девятнадцатилетняя учащаяся техникума Э. М. Ривкина в своем дневнике достаточно оптимистично заметила: «Я все же таки верю, что будет гораздо легче. И всё будет к лучшему» [Ривкина, запись от 06.12.1947].

В анализируемых дневниковых записях горожан не было зафиксировано мнений, отражающих категорически негативные ожидания, связанные с предстоящей реформой.

Выводы

Подводя итоги исследования, необходимо отметить высокий информационный потенциал эго-документов и, в частности, дневников граждан, при разработке проблематики социальной, социально-экономической истории. Анализ данных материалов позволяет реконструировать пространство ожиданий и слухов, бытующих в социуме, воспроизвести картину суждений граждан о проживаемой ими реальности, проанализировать деятельностные стратегии, являвшиеся частью советской повседневности.

Фиксация в текстах дневников причин и даты проведения реформы позволяет с большей долей уверенности утверждать, что факт утечки информации имел место. В то же время точные условия обмена не были известны широким массам населения, порождая массу самых противоречивых слухов и активизируя самые разнообразные монетарные стратегии граждан, направленные на сбережение средств.

Специфика пореформенных рассуждений горожан, а также высказываемые ими оптимистические ожидания, связываемые с последствиями реформы, позволяют говорить о распространенности в советском послевоенном социуме адаптивной модели суждений. Означенная модель представляла собой синтез фактов и объяснительных стереотипов, в русле которых выстраивались адекватные восприятию населения причинно-следственные связи, позволяющие трактовать проживаемую реальность, одновременно «смягчая» остроту объясняемой проблемы. Механизм «сглаживания» или «смягчения» заключался в такой трактовке вопроса, которая не дискредитировала авторитет власти и не презентовала группу, к которой относился субъект, в качестве объекта негативных экономических мероприятий правительства [Клинова, 2020, с. 179]. Распространенность данной модели суждений, детерминированная послевоенными надеждами на лучшее будущее, подтверждает тезис о достаточно лояльном отношении населения к существующему в послевоенном СССР режиму [Зубкова, с. 33].

Источники

Батюто А. И. Дневник (1936–1952 годы) // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/362> (дата обращения: 19.03.2023).

Болдырев А. Н. Осадная Запись (Блокадный дневник). СПб.: Европейский дом, 1998.

Бронтман Л. К. Дневники 1932–1947. Журнал «Самиздат», 2004 // Милитера. Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/db/brontman_lk/index.html (дата обращения: 17.07.2023).

Булах-Гардина Т. Д. Дневник // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/2311> (дата обращения: 19.03.2023).

Вавилов С. И. Дневники, 1909–1951 // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/117> (дата обращения: 19.03.2023).

Вронский Б. И. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/386> (дата обращения: 17.03.2023).

Гильдебрандт-Арбенина О. Н. Дневники (1917–1978) // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/1311> (дата обращения: 29.03.2023).

Дмитриев А. И. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/418> (дата обращения: 29.03.2023).

Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М. : ОГИЗ Госполитиздат, 1946.

Дружба длиною в более чем 60 лет. Капитан 1 ранга Леоненко Игорь Владимирович. Дневник 1946–948 годов // Mil.Press FLOT. URL: <https://flot.com/blog/historyofNVMU/337.php> (дата обращения: 28.06.2023).

Малахиева-Мирович В. Г. Маятник жизни моей... Дневник русской женщины 1930–1954. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015.

Мечтова З. А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/160> (дата обращения: 29.03.2023).

Покровская Н. С. Дневник русской женщины. 1945–1966 гг. // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/1533> (дата обращения: 29.03.2023).

Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) № 4004 от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4666.htm (дата обращения: 19.03.2023).

Порцевский В. А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/367> (дата обращения: 14.04.2023).

Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. М. : Новый хронограф, 2013.

Путь советского офицера: Владимир Дмитриевич Тарасов (1923–1978). Челябинск : Край Ра, 2013.

Ривкина Э. М. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/932> (дата обращения: 19.03.2023).

Савельев В. С. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/2940> (дата обращения: 17.03.2023).

Слонимский А. Л. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/2370> (дата обращения: 19.01.2020).

Талантов Б. В. Дневники 1943–1945, 1947 гг. // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/581> (дата обращения: 17.03.2023).

Храбровицкий А. В. Очерк моей жизни. Дневник. Встречи. М. : Новое литературное обозрение, 2012.

Черневский О. В. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/808> (дата обращения: 19.01.2020).

Шапорина Л. В. Дневник : в 2 т. Т. 2 / под ред. А. И. Рейтблата. М. : НЛО, 2017.

Исследования

Завадская Э. Ю., Царевская Т. В. Денежная реформа 1947 г.: реакция населения. По документам из «Особых папок» Сталина // Отечественная история. 1996. № 6. С. 134–140.

Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М. : РОССПЭН, 1999.

Иванов А. Ю. Принципы текстологического анализа эго-документов XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1(39) : в 2 ч. Ч. II. С. 85–87.

Клинова М. А. Изменение системы пайкового снабжения осенью 1946 г.: суждения горожан РСФСР // e-FORUM. 2020. № 2. С. 175–184.

Клинова М. А. Политика оплаты труда горожан РСФСР в 1946–1953 гг.: мобилизационный инструмент и фактор материального неравенства // Уральский исторический вестник. 2022. № 1(74). С. 72–81. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1\(74\)-72-81](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1(74)-72-81)

Коробков И. В. Проблемы подготовки экономической реформы 1947 г. по отмене карточной системы в СССР // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2(1). С. 40–44.

Москвин В. Развитие советской торговли. М. : Госторгиздат, 1954.

Мстиславский П. С. Распределение материальных и духовных благ в период развернутого строительства коммунизма // Партийная жизнь. 1959. № 12. С. 12–20.

Орлов Я. Л. Личное потребление и товарооборот // Советская торговля. 1954. № 2. С. 23–37.

Репенцкий А. И. Реализация денежной реформы 1947 г. и реакция населения (на материалах Куйбышевской (Самарской) области) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 6. С. 120–124.

Сластнев С. Б. «А сейчас всех выравнивают». Денежная реформа и отмена карточной системы на Среднем Урале. 1947–1948 гг. // Веси. 2014. № 8. С. 105–115.

Соколов Б. И. Война и деньги // Проблемы современной экономики. 2010. № 2. С. 26–29.

Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в ходе проведения денежной реформы 1947 г. // Новейшая история России = Modern History of Russia. 2011. № 1. С. 45–53.

Чайка Е. А. Денежная реформа и ее последствия на Кубани в годы послевоенной модернизации (1945–1950 гг.) // История и обществознание. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 60–68.

Чуднов И. А. Денежная реформа 1947 г. глазами современников // Социологические исследования. 1999. № 2. С. 99–101.

Чуднов И. А. Денежная реформа 1947 года. М. : Полит. энциклопедия, 2018.

Allport G., Postman L. The Psychology of Rumor. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1947.

Ironside K. A Full-Value Ruble: The Promise of Prosperity in the Postwar Soviet Union. Harvard Univ. Press, 2021.

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // WID.world WORKING PAPER SERIES. 2017. № 09. P. 1–45.

References

Allport, G., & Postman, L. (1947). *The Psychology of Rumor*. New York: Holt, Rinehart and Winston.

Chaika, E. A. (2003). Denezhnaia reforma i ee posledstviia na Kubani v gody poslevoennoi modernizatsii (1945–1950 gg.) [Monetary Reform and its Consequences in Kuban during the Years of Postwar Modernization (1945–1950)]. *Istoriya i obshchestvoznaniye*, 2, 60–68.

Chudnov, I. A. (1999). Denezhnaia reforma 1947 g. glazami sovremennikov [Monetary Reform in 1947 through the Eyes of Contemporaries]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2, 99–101.

Chudnov, I. A. (2018). *Denezhnaia reforma 1947 goda* [Monetary Reform of 1947]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

Ironside, K. (2021). *A Full-Value Ruble: The Promise of Prosperity in the Postwar Soviet Union*. Harvard University Press.

Ivanov, A. Yu. (2014). Printsipy tekstologicheskogo analiza ego-dokumentov XX veka [Principles of Textual Analysis of Ego-Documents of the 20th Century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 1(39), II, 85–87.

Klinova, M. A. (2020). Izmenenie sistemy paikovogo snabzheniia osen'iu 1946 g.: suzheniia gorozhan RSFSR [Changing the Rationing System in the Autumn of 1946: Judgments of the Citizens of the RSFSR]. *e-FORUM*, 2, 175–184.

Klinova, M. A. (2022). Politika oplaty truda gorozhan RSFSR v 1946–1953 gg.: mobilizatsionnyi instrument i faktor material'nogo neravenstva [The Policy of Remuneration of Citizens of the RSFSR in 1946–1953: A Mobilization Tool and a Factor of Material Inequality]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 1(74), 72–81. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1\(74\)-72-81](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1(74)-72-81)

Korobkov, I. V. (2012). Problemy podgotovki ekonomicheskoi reformy 1947 g. po otmene kartochnoi sistemy v SSSR [Problems of Preparation of the Economic Reform of 1947 on the Abolition of the Rationing System in the USSR]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(1), 40–44.

Moskvin, V. (1954). *Razvitie sovetskoi trgovli* [Development of Soviet Trade]. Moscow: Gostorgizdat.

Mstislavsky, P. S. (1954). Raspredelenie material'nykh i dukhovnykh blag v period razvernutoho stroitel'stva kommunizma [Distribution of Material Goods and Nonmaterial Benefits during the Period of the Expanded Construction of Communism]. *Partiinaiia zhizn'*, 12, 12–20.

Novokmet, F., Piketty, T., & Zucman, G. (2017). From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016. *WID.world WORKING PAPER SERIES*, 9, 1–45.

Orlov, Ya. L. (1954). Lichnoe potreblenie i tovarooborot [Personal Consumption and Turnover]. *Sovetskaya trgovlya*, 2, 23–37.

Repenetsky, A. I. (2010). Realizatsiia denezhnoi reformy 1947 g. i reaktsiia naseleniia (na materialakh Kuibyshevskoi (Samarskoi) oblasti) [The Implementation of the Monetary Reform of 1947 and the Reaction of the Population (Based on the Materials of Kuibyshev (Samara) Region)]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 12(6), 120–124.

Slastnev, S. B. (2014). “A seichas vseh vyrovniaiut”. Denezhnaia reforma i otmena kartochnoi sistemy na Srednem Urale. 1947–1948 gg. [“And Now Everyone will be Leveled”. Monetary Reform and the Abolition of the Rationing System in the Middle Urals. 1947–1948]. *Vesi*, 8, 105–115.

Sokolov, B. I. (2010). Voina i den'gi [War and Money]. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2, 26–29.

Tverdyukova, E. D. (2011). Bor'ba so zloupotrebleniiami v khode provedeniia denezhnoi reformy 1947 g. [Combating Abuses during the Monetary Reform of 1947]. *Modern History of Russia*, 1, 45–53.

Zavadskaia, E. Yu., & Tsarevskaya, T. V. (1996). Denezhnaia reforma 1947 g.: reaktsiia naseleniia. Po dokumentam iz “Osobykh papok” Stalina [Monetary Reform of 1947: The Reaction of the Population. According to Documents from Stalin's “Special Folders”]. *Otechestvennaya istoriya*, 6, 134–140.

Zubkova, E. Yu. (1999). *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Postwar Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.

Клинова Марина Александровна

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник
Институт истории и археологии УрО РАН
620137, Екатеринбург,
ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: klinowa.m@yandex.ru

Klinova, Marina Aleksandrovna

Dr. Hab. (History), Leading Researcher
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, S. Kovalevskaya St.,
620137 Ekaterinburg, Russia
Email: klinowa.m@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0725-4161>
Scopus AuthorID: 57195422603
WoS ResearcherID: AAO-4112-2021